

транен у современных критиков и эссеистов, — от меня далек. Кто, в конце концов, я такой, чтобы мыслью ввинчиваться в душу? Совершенно этого не хочу. И задач таких не ставлю. Пишу, пока пишется и пока печатают. И не могу сказать, что «образ мыслей» и «убеждения» — глубокое все равно. В общем, не знаю, какие такие у меня цели и задачи.

Татьяна Касаткина

Критика в России на протяжении двух последних веков (то есть, по сути, — со времени своего возникновения) действительно влияла на движение общественной мысли, мало того, она впервые сформировала мысль именно *общественную*, а не индивидуальную, не личностную, она была экспансией «общественного мнения» в сферу мысли. Для того, чтобы такая экспансия состоялась, необходимо было сближение сфер мысли и «общественного мнения», которое осуществлялось, естественно, главным образом за счет понижения сферы мысли. Фигура Белинского, студента, которому не давалась серьезная университетская наука, но который, тем не менее, ощущал к ней сильнейшее тяготение и, воспринимая ее от своих приятелей, трансформировал в критических статьях, здесь очень показательна. Литературный критик — то есть литературный критик по преимуществу, поскольку о текущем литературном процессе всегда писали и люди, чьей главной профессией вовсе не была литературная критика (Пушкин и Достоевский, например, или, скажем, Страхов, а позже — практически все русские философы, начиная с Владимира Соловьева), — всегда был своего рода медиатором, проводником между некоей сферой мысли (очень быстро, практически сразу, обозначившей себя как мысль партийная, идеологическая) и читающей публикой, которую он буквально *заражал* определенным мировоззрением. Критика по определению была тем, что Достоевский называл «идеей, попавшей на улицу». Что она претендовала при этом на статус «философии современности», вполне закономерно, поскольку оксюморон, заключенный в этом словосочетании: сиюминутная (или — скоромимоходящая) любовь к мудрости (то есть тому, что отсылает в сферу вечности) — адекватно ее описывает.

В так понятой критике художественное произведение было лишь поводом для обсуждения тех или иных общественных проблем (политических, или моральных, или — последнее и сейчас очень часто происходит — групповых разборок, список можно продолжить). Ленин, безусловно могущий служить здесь экспертом, так отзывался о статьях Добролюбова: «Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается». Не думаю, чтобы такая критика когда-либо могла исчезнуть — просто, по-видимому, изменился характер проблем, которые она ставит в центр своей деятельности, изменились ценности, которые она пропагандирует, которыми она стремится *заразить* читателя, — возможно, изменились так радикально, что на первый взгляд может показаться: «старая» критика исчезла, на ее месте возникло нечто совсем другое.

Так понятая критика находится вне сферы моих интересов.

Мне близка критика, стремящаяся быть *пониманием* того произведения, которое она анализирует, пониманием авторского замысла, авторской мысли, пониманием и проявлением этой мысли *иными средствами*. Поэтому я хотела бы писать только о тех авторах, которых я люблю, ибо только любовь может быть основанием для истинного понимания, только она дает надежду на него. К сожалению, если работать в этой сфере сколько-нибудь профессионально, это не всегда удается. Но и основанием для суждения и осуждения тоже может быть только предпринятая предварительно со всеми доступными средствами попытка понимания.

Критик такого типа (в идеале, естественно) — это идеальный читатель. Тот единственный читатель, который не имеет права претензии за свое непонимание предъявлять автору, но должен вновь и вновь обращаться к себе. Тот читатель, который любит автора не за то, что был «понят» им (как часто пишут в письмах писателям: «вы все это написали про меня, вы поняли меня насквозь, вы единственный человек» и т.д.), но за то, что встретился с ним на путях его мысли. Человек, который должен забыть о столь свойственном человеку желании быть понятым (помните ставшее по-

чти лозунгом: «Счастье — это когда тебя понимают?») и свое счастье полагать в постижении другого.

Вряд ли такой критик сможет быть (захочет быть) «литературным» арбитром — роль, столь характерная для критика в первом разобранном здесь смысле.

Очевидно, что для критика возможно два отношения к литературному произведению с точки зрения его *качества как произведения искусства* (кстати, соответствующих двум основным подходам к категории стиля в современной науке о литературе, из которых один рассматривает стиль как универсальную и, следовательно, оценочную категорию, предполагающую существование эталона и образца, а другой сосредоточивает внимание на проблеме «индивидуального стиля»). Первое — это отношение эксперта, знатока, неким неведомым способом получившего доступ к эталону (расположенному, как предполагается, в некоем *общем*, но не общедоступном месте). Второе — отношение вдумчивого внимания, установки на понимание именно ядра авторской личности — и тогда не *критики*, но оправдания (в смысле указания на правду, истинность) тех индивидуальных черт, которые, по меткому замечанию исследователя русской литературы и философии Марины Косталевской, «сначала рассматриваются как недоработки и дефекты, и только по мере распространения признания и успеха переклассифицируются в уникальные и оригинальные достижения данного таланта». Интересно, что позиция эксперта оказалась столь привлекательной, что именно на ней и посейчас настаивает большинство практикующих критиков, хотя для всех давно очевидна утрата того общего места, где бы мог находиться эталон. Начиная с прошлого века, критик уверенно и не задумываясь помещает этот эталон внутрь собственной личности, на что имеет, конечно, гораздо меньше прав, чем писатель, отыскивающий в собственной душе основания для новой целостности, именуемой индивидуальным стилем.

То есть в эстетической сфере так же, как и в сфере идеологической, критик того типа, который мне представляется идеальным, на самом деле меньше всего является собственно *критиком*.

Сферой же приложения *критического* таланта и темперамента для такого идеального критика была бы, может быть, только сама *критика*, когда она, по лени, или неряшливости, или недомыслию, или идеологической ангажированности, агрессивно набрасывается на писателя, закрывая его от читателя своим непониманием, вместо того чтобы раскрывать его для читателя своим вниманием, чуткостью и любовью.

Алексей Колобродов

«Конец традиционной российской критики» — на мой взгляд, сказано слишком сильно и определено. В той же степени преждевременно, сколь и с опозданием. Прикладной эсхатологизм вообще чрезвычайно распространен в наши дни, обычное явление в пограничье эпох, поэтому весьма заманчиво выглядят формулировки, рифмующиеся с «концом света», и, естественно, каждому хочется, чтобы его область оказалась впереди планеты всей, эдакое соревнование карманных апокалипсисов. Печаль более соразмерима, чем радость, есть в ее эскалации какое-то горькое наслаждение. Что до «неотъемлемой и равноправной составляющей части литературного процесса», хочется поделиться собственным наблюдением: если раньше «толстые» журналы, справедливо аттестованные редакцией «основным «местом обитания» критики», читали с первой страницы, со стихотворных подборок и прозы, то теперь их аудитория, в большинстве своем, начинает подробное знакомство с конца — библиографии, эссеистики, мемуаристики, иногда даже не заглянув в оглавление, которое иные издания теперь предусмотрительно размещают на тех же последних страницах. Нельзя назвать это чисто профессиональным рефлексом: суммарный тираж литературных журналов остается весьма внушительным и количество реальных читателей явно превосходит численность цеха. (Сознательно не беру другой тип изданий и Internet, где визуальное наблюдение невозможно и практическая ценность жеста теряет актуальность.) Участие в литпроцессе налицо, а нарушением былого равноправия можно даже профессионально погордиться. Другое дело, что и эти разделы стопроцентной критикой не являются, но тут уже возникает вопрос не только о конце, но и начале, потому об этом ниже.